

Передо мной архивное дело Преображенского приказа, ведавшего при Петре I политическим сыском. По обвинению Саввы Новгородова в заводе бунту... В папке 279 разноформатных листов старинной скорописи, запечатлевших один из эпизодов классовой борьбы — выступление колян в 1698—1699 годах.

Воеводские "насильства"

В 1698 году на воеводство в Колоду был послан Иван Воронцов. По истари заведенному обычаю средства для жизни воеводам давало местное население в виде добровольных приношений. Но полновластные правители обычно не довольствовались традиционными поборами, изыскивая всевозможные способы обогащения и не гнушаясь ничем. Воронцов не только заставлял кольских стрельцов работать на себя за ничтожную плату, но и устраивал поборы по всякому поводу. За то, что отпустил на морские промыслы, за увольнение от очередной служебной поездки, за поблажки в несении караульной службы. Ко всему прочему он организовал незаконную торговлю водкой, посылая своих денщиков и слуг спаивать местное население в саамских погостах.

Корысть Воронцова сочеталась с крайней жестокостью — он сам избивал допрашиваемых, месяцами держал в кольской тюрьме ни в чем не повинных людей.

«Видя слезы» колян, воеводу пытался усовестить священник Симеон Борисов. Но сан не оградило его от воеводской расправы — священника избил «при индигх сторонних людях», а затем по требованию воеводы холмогорский архиепископ повелел отстричь его.

Разбой неуправляемого воеводы дошел до того, что он врывается в дома колян и устраивал настоящие погромы и грабежи.

Стрелечья "прена"

Летом 1698 года упали подмытые водой часть городской стены и ворота. Воевода приказал выделить 50 стрельцов для сбора плавающих по заливу бревен. Но ремонт острога, так называемое городское дело, считался обязанностью посадских людей, поэтому стрельцы явились на воеводский двор, отказываясь справлять порученную им работу. Воронцов же в ответ «сказывал про государев указ», который был прислан после стрелечьего мятежа 1682 года: «кто учнет самовольно и невежливо делать, и тем велено чинить наказание — казнить смертью, не отписываясь к Москве».

Стрельцы разошлись, лес собрали, но «прека» (противление, раздор) между ними и воеводой продолжалась. Они отказались стоять в почетном карауле у датского посланника, приехавшего в Колоду, самовольно провели выборы пятидесятников, срамили прислужников воеводы и даже его самого.

Вскоре коляне составили две «изветные челобитные» и тайно отправили их в Москву, в Преображенский приказ.

Воевода, видя неповиновение стрельцов, послал в Москву извещение о своеволии «Савки Новгородова да Алешки Поклидина, которые всему полку мятеж делают». А чтоб заручиться поддержкой в верхах, отправил в прилачу обоз с рыбой, часть которой предназначалась в подарок А. Д. Меншикову, влиятельному сподвижнику Петра I.

Но этого воеводе показалось мало. Он направляет в Москву своего человека с донесением о том, что кольские стрельцы якобы солидарны с «московскими бунтовщиками». Ступая на тропу, извращая действительный ход событий, Воронцов рисовал картину полного своеволия кольских мятежников: Савка Новгородов собирает «свою братью полюдскому в игру», угрожает убийством, ходят «днем и ночью, с ножами», говоря: «есть ли де нас стане, воевода брать в приказ, и мы де его и людей его учнем рвать».

Конечно, коляне рассчитывали избавиться от Ивана Воронцова, но не таким путем, а с помощью изветных челобитных, и отправили

их, идали решения московских властей.

Воеводе же нужно было спровоцировать открытое выступление стрельцов, чтобы обвинить их в антиправительственном бунте и выставить себя жертвой живых доносчиков. Такая возможность вскоре представилась.

В декабре 1698 года в Колоду пришел указ о переименовании стрельцов в солдаты. По существу указ почти ничего не менял: сохранялся старый уклад жизни службы, государеву жалованье оставалось прежним, предписывалось лишь «ходить солдатским строем», а вместо пятидесятников выбрать урядников.

Воевода приказал составить новую «именную книгу», и урядников определить из числа наиболее преданных ему людей. Между тем стрельцы, сторонники Саввы Новгородова,

• Страницы истории

Бунт Савки Новгородова

«выбрали свою братью в урядники из рядовых без воеводского ведома», явились к пятидесятичному и «велили писать в урядники себя — Савку Новгородова да Левку Пьяного, да Артюшку Милклока, а старых, которые выбраны были по его, Иванову, приказу, отставили». В очередном донесении Иван Воронцов сообщал, что Савка Новгородов с товарищами поднимает людей на бунт, занимаются самоуправством, зазывая в стрелечью избу несогласных людей и «многих побил до смерти». Обвинения в убийствах были явной ложью. Правда заключалась лишь в том, что стрелечья съезжая изба недолгое время действительно служила органом городского самоуправления: Савка Новгородов по просьбе жителей принимал жалобы на воеводу от саамов, пона Симеона и посадских людей.

Между тем воевода собрал у своих сторонников и запуганных им людей подписи под прошением, чтобы ему остаться в должности «на третьей год». На это согласились 58 человек, остальные, несмотря на угрозы «приложить руку», отказались.

Но вопрос о продлении срока полномочий кольского воеводы вскоре отпал — в Преображенский, Большой казны и Новгородский приказы от колян, наконец, поступили «изветы», в которых Иван Воронцов обличался в злоупотреблениях властью.

Розыск

Антивоеводское выступление 1698 года охватило все основные сословные группы местного населения. В подаче челобитных участвовали духовные, стрельцы, посадские люди, уездные крестьяне и саамы. В одном лагере оказались все, кто не хотел терпеть произвол воеводы.

Тактика челобитчиков сводилась к тому, чтобы обвинить Ивана Воронцова в несоблюдении законов, в нанесении убытков казне, в пренебрежении к царским грамотам, коротко говоря, в антигосударственных преступлениях. Они хорошо знали, что правительство не станет наказывать воеводу за поборы с населения, за аресты и побои жителей. Воеводы затем и посылались, чтобы чинить суд и правду, наводить «порядок» и жить за счет подвластного им населения. Поэтому жалобщики протестовали не против поборов, а против непомерных требований, жестоких вымогательств и прямых грабежей — чего прежде «иско-ни вечно ни у коих воевод не бывало».

19 февраля 1699 года Петр I, выслушав доклад о беспорядках в Колоде, велел доставить Ивана Воронцова и людей, названных в его донесении «ворами и бунтовщиками», в Москву, «к розыску».

При аресте «бунтовщиков» в Колоде вспыхнули волнения: Петр Угловатый и другие «савинны товарищи... пришли на съезжий двор» и кричали капитану «для чего де кольских стрельцов куешь и вяжешь»? А потом «почели давнишних стрельцов бить, одному руку перебили, а другому бороду выдрали и в ворота с улицы приступали и поленем метали...»

Следствие по делу Воронцовского началось сразу же после указа Петра I еще в феврале. Находящиеся в Москве кольские челобитчики были схвачены и посажены «под караул» в Андроников монастырь». А в июне этого же года на Пыточный двор доставили под конвоем 10 кольских колодников — Савку Новгородова, Льва Пьяного и других.

Иван Воронцов решительно отвергал все обвинения в незаконных действиях, уверял, что напрасно терпит «бесчестие и разоренье». Неприязнь

кольских стрельцов он объяснял их завистью, особенно упирая на то, что стрельцы — закоренелые бунтовщики выступали и «при прежних воеводах». Несмотря на очевидную тенденциозность подобного заявления, оно, тем не менее, свидетельствует о том, что выступление колян в 1698—1699 годах не было единственным и случайным актом борьбы против угнетателей-воевод.

Судя по вопросам, которые задавали допрашиваемым следователи почти не обращали внимания на вымогательства и поборы кольского воеводы. Больше всего их интересовала версия о выступлении кольских стрельцов по примеру «московских бунтовщиков». И возможная связь между ними.

И все-таки розыск показал, что в Колоде произошло не антиправительственное выступление, а всего лишь неповиновение и своеволие группы стрельцов, стремившихся избавиться от жестокого и корыстолюбивого грабителя-воеводы. Но царский суд оправдал Ивана Воронцова. Бояре не дали в обиду сына московского полковника, которому покровительствовал сам Меншиков.

Боярский приговор

Следствие о «бунте» Саввы Новгородова и его товарищей тянулось целых два года. К моменту вынесения приговора троих колодников уже не было в живых. Умер и Лев Пьяный — верный друг и правая рука Саввы Новгородова.

Судили кольских стрельцов по закону, принятому вскоре после подавления московского восстания 1682 года. В нем под угрозой смертной казни стрельцам запрещалось ходить к воеводам «с невежеством и с шумом», чинить какие-либо «само-вольства, пренесловия и ослушания».

21 февраля 1701 года кольских колодников доставили из монастыря в Преображенский приказ и объявили судебное решение, гласившее: «Бояре приговорили кольского стрельца Савку Новгородова казнить смертью». Остальных лиц, привлеченных к следствию, как виновных, постановили «освободить без наказания».

Суровый приговор, вынесенный С. Новгородову, был явно рассчитан на устрашение остальных стрельцов. Но дух непокорства снова обнаружился, когда очередной воевода Дмитрий Унковский начал пригнестать колян. В 1703—1704 годах произошел новый «бунт», более бурный и обширный. Во время розыска по «делу Унковского» привлечалось к допросам уже около 800 человек.

И. УШАКОВ.

Доцент Мурманского педагогического института.

Редактор
Н. В. БЕЛЯЕВ.